

ПСКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ—1-го и 15-го чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб. съ пересылкою. Отдѣльный № 25 коп.

15 іюля 1903 г.

№ XIV-й.

Подписка принимается въ Редакціи «Псковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», въ Духовной Семинаріи, въ гор. Псковѣ.

Г О Д Ъ Д Е С Я Т Ы Й.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Содержаніе части оффиціальной: Высочайшія награды. — Указы Святейшаго Синода. — Отчетъ о дѣятельности Псковскаго Братства во имя свв первоучителей словенскихъ Кирилла и Мефодія за шестнадцатый годъ его существованія, съ 1 мая 1901 г. по 1 мая 1902 г. — Епархіальныя извѣщенія. — Разрядный списокъ учениковъ Порховскаго духовнаго училища за 1902—1903 учебный годъ. — Объявленія.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно удостоенію Кавалерской Думы, въ 3-й день февраля 1903 года, Высочайше соизволилъ на награжденіе орденомъ св. Анны 3-й степени за заслуги, въ пунктѣ 16-мъ статьи 459 (Учрежд. орд. т. I св. зак., изд. 1892 г.) статута сего ордена изъясненныя, нижеслѣдующихъ лицъ: священника церкви погоста Ручьевъ, Порховскаго уѣзда, Михаила Любимова, священника церкви погоста Жаборъ, того же уѣзда, Петра Бороздинскаго, священника церкви погоста Утретокъ, Опочецкаго уѣзда, Павла Лаврова, священника церкви погоста Полянъ, того же уѣзда, Іоанна Граціанскаго и священника Кресто-Воздвиженской церкви пригорода Выбора, Островскаго уѣзда, Николая Печанскаго.

Путь къ обновленію ¹⁾.

Наблюдатель жизни современнаго просвѣщеннаго міра, повидимому, долженъ придти въ восторгъ отъ тѣхъ успѣховъ культуры, которыми ознаменовалъ себя XIX вѣкъ и начало XX. Точная наука въ своемъ развитіи идетъ съ поразительною быстротою. Кажется, отъ ея остраго взора не можетъ укрыться никакая тайна природы, предъ ея тонкимъ анализомъ не можетъ устоять никакое, самое сложное и запутанное явленіе человѣческой жизни. Она даже вызываетъ народы съдой древности изъ ихъ гробоваго мрака, читая предъ нами полуистлѣвшіе памятники ихъ мудрости и жизни. Ученныя силы объединяются для совмѣстной работы на пользу человѣчества, и создаваемое ими культурное теченіе широкою волною расходится по лицу земли. Всюду стремится оно вносить свѣтъ науки, дѣлится плодами своихъ открытій и изобрѣтеній, старается перестроить все на новыхъ, лучшихъ началахъ. Казалось бы, культурное человѣчество должно ощущать въ себѣ избытокъ силъ и проникаться тѣмъ свѣтлымъ, жизнерадостнымъ чувствомъ, которымъ бьется сердце богато-одареннаго, развитаго и самоувѣреннаго юноши. Не то на самомъ дѣлѣ.

Прислушайтесь къ голосу мыслящей части культурнаго общества, и вашъ слухъ будетъ пораженъ рѣзкимъ выраженіемъ скуки, недовольства жизнью и отчаянія. „Современная Европа опять ощущаетъ симптомы историческаго кризиса, говорятъ одинъ ученый. На ряду съ безпримѣрнымъ развитіемъ жизненныхъ удобствъ, съ богатствомъ приобрѣтенныхъ знаній въ европейскихъ обществахъ замѣчается несомнѣнный и глубокий упадокъ духа. Повсемѣстно исчезаетъ безпечный смѣхъ и радостное ожиданіе завтрашняго дня ²⁾. „Мы присутствуемъ при великой душевной драмѣ, пишетъ нашъ философъ Н. Я. Гротъ, переживаемой

¹⁾ Публичное чтеніе въ г. Псковѣ, предложенное отъ имени Кирилло-Меодіевскаго Братства 25 марта 1903 года.

²⁾ Ярощъ. Историческіе кризисы и современная Европа. Русскій Вѣстн. 1896 г., кн. 1, стр. 19.

не отдѣльными личностями или даже народами, а всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ“¹⁾).

Быстрые успѣхи нашей культуры истощили наши духовныя силы. Привлекательная совнѣ, она внутри себя самой носить разрушительное начало. Это послѣднее раздѣляетъ ея колоссальную фигуру, подобно тому, какъ злой червь подтачиваетъ жизнь могучаго и роскошнаго растенія. Наука жалуется на оскуднѣе талантовъ, на вырожденіе самостоятельной и живой мысли, изящная литература съ правдивымъ, фотографическимъ реализмомъ рисуется низкіе, больные и несчастные типы современности. И говорятъ и пишутъ о томъ, что мало стало людей честныхъ, примодушенныхъ, предприимчивыхъ, стойкихъ, способныхъ возвыситься надъ будничными интересами и дѣйствовать по идеальнымъ побужденіямъ. Богатый ростъ повѣйшей промышленности и торговли не обратилъ нашей земли въ благословенную страну, въ землю, текущую молокомъ и медомъ. Онъ обогатилъ и надмилъ однихъ и поработилъ и придавилъ другихъ. „Въ шумныхъ столицахъ, говоритъ извѣстный Генри Джорджъ, на улицахъ, залитыхъ асфальтомъ и озаренныхъ электрическими солнцами, мы, какъ и вездѣ, встрѣчаемъ истомленные, хмурые, злобныя лица. Среди наибольшаго скопленія богатства люди умираютъ съ голода и болѣзненныя дѣти сосутъ изсохшія груди своихъ матерей“²⁾. Наниматель смотритъ на наемника, какъ на мертвую „рабочую силу, составляющую только одинъ изъ многихъ факторовъ выгоднаго производства“ (Неплюевъ), а въ душѣ наемника растетъ мрачная злоба противъ своего поработителя. Отсюда „колоссальныя стачки, уличныя побоища, разгромы промышленныхъ и торговыхъ заведеній, динамитныя взрывы, застращиванія и аграрныя преступленія,—все это становится обыденными, нормальными явленіями экономической жизни современной капиталистической цивилизаціи (Неплюевъ)“³⁾. А что сказать о современномъ милитаризмѣ? Онъ отнимаетъ у государствъ большую часть ихъ матеріальныхъ средствъ, съ каждымъ годомъ выше и выше под-

¹⁾ Нравственные идеалы нашего времени. М. 1893 г., стр. 4.

²⁾ Богосл. Вѣстн. 1903 г. янв.; стр. 21.

³⁾ Тамъ же, стр. 22.

нимал бюджеты на увеличеніе, содержаніе и вооруженіе войскъ, въ ущербъ удовлетворенію многихъ насущныхъ потребностей страны.

При такихъ обстоятельствахъ только умственное и нравственное убожество можетъ восторгаться современною дѣйствительностью и воспѣвать ей похвальные гимны, а духовно-нормальному, честному и мыслящему человѣку, понятно, не до восторговъ и гимновъ.

Видя, какъ зло выеется страшною громадою, угрожающею все раздавить собою, люди спѣшатъ спасти отъ него себя и другихъ. „Всѣ ждутъ, не дождутся новой эры“, замѣчаетъ Нордау“ *). Предлагаются одинъ за другимъ многочисленные проекты переустройства жизни. Вотъ нѣкоторые примѣры. Левъ Толстой проповѣдуетъ отрицательное отношеніе къ современной культурѣ и цивилизации, ко всѣмъ общепринятымъ и даже освященнымъ почтенною древностью формамъ государственной и общественной жизни. Фридрихъ Нитше и его заграничные и русскіе поклонники производятъ переоцѣнку нравственныхъ цѣнностей, предлагаютъ отвернуться отъ той морали, которая проповѣдуетъ сострадательную любовь къ ближнимъ, и стать „по ту сторону добра и зла“. Спасеніе современности они полагаютъ въ улучшеніи человѣческой породы, въ созданіи такъ называемаго сверхчеловѣка, который дастъ полный просторъ дѣйствию своихъ звѣрскихъ инстинктовъ и, перешагнувъ потоки пролитой имъ человѣческой крови, выступить, какъ тишь совершеннаго человѣка, властно господствующаго надъ міромъ. Золя призываетъ человѣка къ постоянному и правильному труду, въ которомъ будто бы и заключается весь смыслъ нашей жизни. Соціализмъ всѣ свои надежды въ данномъ дѣлѣ возлагаетъ на новую организацію общественныхъ учрежденій и равное распредѣленіе между людьми матеріальныхъ благъ. Нѣкоторые ожидаютъ спасенія отъ философіи въ ея новомъ, „идеалистическомъ“ направленіи, которое будто бы укажетъ, какъ согласить вѣчныя стремленія нашего духа съ требованіями живой дѣйствительности и показаніями опыта.

*) Русск. Вѣстн. 21—22.

Многіе съ ревностію устремляются вѣлѣть за этими глашатаями современной мудрости. Нѣкоторые переходить отъ одного изъ нихъ къ другому, подвергая чрезъ это свою мысль и даже жизнь разнообразнымъ, иногда даже мучительнымъ, превращеніямъ, что прекрасно изобразилъ нашъ писатель Чеховъ въ своемъ небольшомъ художественномъ разсказѣ: „На пути“.

Но, не смотря на все это, общее настроеніе недовольства и скуки не проходитъ. „Писатели и художники нашихъ дней, замѣчаетъ одинъ ученый, разные символисты и декаденты, сходятся лишь на одномъ пунктѣ — на нежеланіи жить такъ, какъ теперь, на отвращеніи къ существующему, „уличному“, общепринятому ¹⁾. Даже серіозные умы утрачиваютъ вѣру въ возможность исправленія настоящаго порядка вещей, перестаютъ довѣрять силѣ человѣческаго ума и вѣрять разнообразнымъ моднымъ ученіямъ современныхъ мыслителей. Во Франціи, переходовой странѣ, можно слышать такія рѣчи: „Всѣ согласны въ томъ, что безусловная истина отъ насъ ускользаетъ, что мы совершенно не знаемъ, существуетъ она или нѣтъ..., истина же относительная, въ силу своей относительности, есть лишь форма заблужденія“ ²⁾... Земля, человѣкъ, человѣческій умъ, ничто изъ этого не можетъ дать намъ ничего постоянного, на чемъ бы мы могли утвердиться“ ³⁾. Вотъ что говорилъ не такъ давно и въ Петербургскомъ религіозно-философскомъ собраніи г. Тернавцевъ. Представители такъ называемой интеллигенціи „переживаютъ тяжелый нравственный кризисъ... Душу сжигаетъ потребность высшаго, чѣмъ собственное знаніе, просвѣщенія, высшаго примиренія, чѣмъ то, которое мы сами себѣ можемъ дать. Все знаніе со своею тысячеокою наукою оказывается безчеловѣчнымъ и пустымъ, ибо безсильно разрѣшить мучительныя сомнѣнія о высшемъ смыслѣ существованія... Среди внутреннихъ переживаній, вынававшихъ на долю послѣднихъ поколѣній интеллигенціи, совершилось нѣчто важное: подверглось разложенію попя-

¹⁾ К. Ярошъ. Русск. Вѣсти. 1896 г., янв., стр. 22.

²⁾ Предсмертныя мысли XIX в. во Франціи. А. П. Гилярова. Кіевъ, 1901 г., стр. 110.

³⁾ Тамъ же, стр. 113.

тіе о счастіи, или вѣрнѣе, самое чувство счастія, а значить и общаго блага... Соціальные планы интеллигенціи рушатся... Просвѣщать другихъ, пріобщать ихъ къ сокровищамъ своего міровоззрѣнія стало невозможнымъ, когда сокровища эти оспариваются совѣстью, какъ мнимыя... Надломленная въ сознаніи своей достаточности для себя, интеллигенція находится теперь въ состояніи духовнаго обнищанія“ *). Отсюда—для многихъ вождѣльною цѣлью жизни является буддійская Нирвана, а главнымъ душевнымъ настроеніемъ то тупое и мрачное отчаяніе, которое нашло себѣ выраженіе, между прочимъ, въ недавнемъ стихотвореніи одного изъ современныхъ поэтовъ:

„Пойми, что гибель неизбежна;
Довѣрся мнѣ
И успокойся безмятежно
Въ послѣднемъ снѣ.
Безцѣльно дни твои сгорѣли,—
Но что тужить:
Вся жизнь, весь міръ—игра безъ цѣли;
Не надо жить...
(Феодоръ Сологубъ).

Но неужели этотъ горькій пессимизмъ—послѣднее слово всей многовѣковой исторіи человѣческаго рода? Неужели нѣтъ пути къ обновленію?

Ни чувство, ни разумъ, ни опытъ живой дѣйствительности не позволяютъ намъ дать отрицательный отвѣтъ на эти вопросы. Спасеніе есть, но не тамъ, гдѣ его обыкновенно ищутъ наши просвѣщенные современники.

Левъ Толстой, Нитше и имъ подобные кумиры нашихъ дней безсильны обновить современный строй мысли и жизни.

Всякое ученіе, особенно же претендующее на вліяніе въ сферѣ нравственно-практической жизни и дѣятельности, требуетъ предварительной критической оцѣнки своихъ положеній. Никакой здравомыслящій человѣкъ не можетъ слѣпо и безразсудно отдать себя руководительству другого, хотя бы

*) Новый путь. Янв. 1903 г. Записки религіозно-философскихъ собраній, стр. 18, 19.

и гениальнаго, человѣка; рукоплескать нѣкоторымъ личностямъ лишь за то, что онѣ кричатъ сильнѣе и рѣзче другихъ, свойственно только безмышленной и дикой толпѣ. Но, когда мыслящій человѣкъ критически отнесется къ ученію того или иного изъ современныхъ передовыхъ людей, то, несомнѣнно, найдетъ въ этомъ ученіи много и очень много несогласнаго съ истиною, противнаго несомнѣннымъ, аксіоматическимъ положеніямъ, требованіямъ здоровой логики и показаніямъ жизненнаго опыта. Научная и философская критика съ неподкупною правдою вскрываетъ слабыя стороны даже въ лучшихъ произведеніяхъ современныхъ умовъ. Пусть эти сами талантливые и гениальные люди съ высоты своего олимпійскаго величія не обращаютъ вниманія на критику ихъ твореній, считая ее чѣмъ-то въ родѣ дѣтской, нелѣпой и смѣшной болтовни не гениальныхъ и не талантливыхъ своихъ современниковъ. Это говоритъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь объ ихъ падменной гордости, которая не позволяетъ имъ считать себя подлежащими суду обыкновенныхъ смертныхъ, а не о дѣйствительной силѣ ихъ духовныхъ дарованій и не о величіи ихъ произведеній: истинно-великому человѣку свойственно скромное сужденіе о своихъ силахъ. Конечно, есть критика, недостойная своего имени, но есть и критика серьезная, глубокомысленная и честная, исходящая иногда отъ людей, не менѣе даровитыхъ, чѣмъ самъ критикуемый мыслитель. Если же такъ, то можно ли сказать, что извѣстное ученіе нашихъ дней указываетъ правильный путь къ обновленію жизни, и можетъ ли образованный, умный человѣкъ беззаветно отдаться тому или иному изъ современныхъ „властителей думъ“? Можетъ ли онъ, постигшій тайны науки, извѣдавшій силу человѣческой мысли и знанія, преклониться предъ тѣмъ ученіемъ, въ которомъ онъ видитъ такъ много разнообразныхъ промаховъ? Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ тонкаго и неподкупнаго анализа мысли, когда стремленіе критиковать всехъ и все доходить до самыхъ крайнихъ предѣловъ, такое преклоненіе для нѣкоторыхъ личностей стало психологически-непреодолимою трудностью. Правда, много умныхъ людей стало подъ знамя того или иного всемірно-извѣстнаго писателя или философа, предлагающаго свои

идеалы и свой планъ переустройства жизни. Но это не должно быть предметомъ особеннаго удивленія. Съ психологической точки зрѣнія этотъ фактъ вполне понятенъ. При всеобщемъ крушеніи идеаловъ вполне естественно бросаться на всякую новинку, особенно, если она имѣетъ привлекательный видъ. Переживать тоску и сомнѣніе, жить безъ яснаго представленія цѣли своего существованія очень трудно и мучительно для человѣка; какъ больной, онъ и хватается подносимое ему лѣкарство изъ рукъ врача, хватается тѣмъ съ большею силою, чѣмъ мучительнѣе его страданія. Въ первое время онъ находится подъ дѣйствіемъ усыпительнаго обаянія или личности своего благодѣтеля или новизны предлагаемыхъ имъ лѣчебныхъ средствъ, но затѣмъ мало-по-малу первое увлеченіе проходитъ, наступаетъ пора духовнаго отрезвленія, здоровая критическая мысль вступаетъ въ свои права, и онъ уже ищетъ другого просвѣтителя и руководителя съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣкоторое время оставить и этого другого и перейти къ третьему и т. д. и т. д. Въ концѣ концовъ, онъ разобьетъ все тѣ кумиры, которымъ поклонялся. У него долженъ возникнуть вопросъ: можетъ ли и вообще кто бы то ни было изъ смертныхъ безошибочно указать новый путь жизни? И на этотъ вопросъ онъ долженъ дать отрицательный отвѣтъ. Прежде всего, предъ нимъ на лицо фактъ разногласія и даже взаимнаго противорѣчія самыхъ выдающихся умовъ, а это само по себѣ уже должно подорвать въ немъ довѣріе къ безусловному авторитету человѣческой мысли. Затѣмъ, вникая въ историческій процессъ образованія тѣхъ или иныхъ модныхъ ученій, онъ еще глубже убѣждается въ ихъ относительной цѣнности. Они возникаютъ, главнымъ образомъ, на почвѣ недовольства существующими воззрѣніями и ученіями и представляютъ собою попытку вытѣснить эти воззрѣнія и ученія и замѣнить ихъ новыми, лучшими. Слѣдовательно, причина появленія ихъ носитъ случайный, временный характеръ, ихъ корень сидитъ слишкомъ не глубоко. Поэтому, большинство изъ нихъ, отрицая одну крайность, впадаетъ въ другую, противоположную. Кромѣ того, сами изобрѣтатели этихъ ученій—сыны свои вѣка, дѣти той же культуры, которую они стараются видоизмѣнить и облагородить. Поэтому

на ихъ произведеніяхъ необходимо должна лежать печать того общаго несовершенства, которое характеризуетъ собою ихъ время. Они, можетъ быть, глубже другихъ усмотрѣли и сильнѣе почувствовали недостатки современности, и въ этомъ, можетъ быть, проявилась даже главная сила ихъ духа, но въ созданіи собственныхъ идеаловъ и жизненныхъ плановъ они не свободны вполне отъ недостатковъ и заблужденій своего времени. Какъ возникшіи при такихъ обстоятельствахъ, эти ученія, въ лучшемъ случаѣ, могутъ произвести только временное дѣйствіе на человѣческую жизнь. Вѣдь, кто, въ самомъ дѣлѣ, не видитъ, что корни всѣхъ вообще нестроений человѣческой жизни лежатъ глубже современной, исторической дѣятельности? Есть какой-то прирожденный человѣчеству недугъ, который—то, по видимому, ослабѣваетъ, то усиливается, и нужно совершенно закрыть глаза, чтобы не видѣть этого явленія, темною половою проходящаго чрезъ всю исторію человѣческой жизни. Поэтому пройдутъ годы, разрѣшится переживаемый теперь кризисъ, жизнь видоизмѣнится, — и снова покажутся признаки мучительной болѣзни. Но эта болѣзнь подъ вліяніемъ различныхъ причинъ приметъ уже совершенно иной видъ. И что же! Потребуется новые проекты, переустройства жизни. Прежніе не отвѣчаютъ потребностямъ новой, народившейся послѣ нихъ, жизни. Очевидно, они въ свою пору были только паллиативнымъ, а отнюдь не радикальнымъ средствомъ къ излеченію зла. Отсюда — каждому изъ человѣческихъ ученій, ложно претендующихъ на абсолютную, непогрѣшимую истинность, можно въ извѣстномъ, переносномъ, смыслѣ сказать словами св. ап. Петра: *„вотъ входятъ въ двери погребавшіе мужа твоего; и тебя вынесутъ“* *).

(Продолженіе будетъ).

Извѣстія и замѣтки.

Хорошее прощаніе. Приятно подѣлиться съ читателями впечатлѣніями отъ хорошаго событія въ жизни скромнаго служителя церкви и труженника начальнаго просвѣщенія. Бывшій псаломщикъ Опасской церкви г. Торопца и

*) Дѣян. V, 9.